

ЭССЕ

Александр Мелихов

ПЕРЕКОВАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В АРИСТОКРАТОВ

Эта история уже не раз повторялась и, если мы не извлечем из нее уроков, будет повторяться снова и снова: интеллигенция борется за демократию — за власть народа, а народ использует эту власть для сворачивания демократических институтов и оттеснения интеллигенции от власти.

Раскол между интеллигенцией и народом каждый раз зарождается в одном и том же пункте: интеллигенция не уважает государство, а народ почему-то уважает. Что же его заставляет ценить этот отнюдь не сакральный институт, против которого накоплены и груды дискредитирующих фактов, и ряд солидных доктрин?

Девятнадцатый век, век великих научных открытий и великих грез, прикидывающихся наукой, породил несколько теорий отмирания государства, которое будет вытеснено общественной самоорганизацией. Теория коммунистическая (Маркс) — уничтожение частной собственности уничтожит и государство. Теория либеральная (Спенсер) — укрепление частной собственности заменит централизованные общества военного типа индустриальными обществами, основанными на взаимовыгодном обмене. Теория анархическая (Кропоткин) — деятельность государства будет полностью заменена деятельностью добровольных союзов. Кропоткину не казалась неустранимой даже такая функция государства, как монополия на насилие, — за тем количеством насилий, какие творит само государство, не угнаться никакой индивидуальной или групповой распушенности. Против злоупотреблений свободой именно свобода и есть лучшее лекарство, поскольку закон взаимопомощи записан в наших сердцах самой природой, — я отдал эту кропоткинскую мечту Сабурову — герою моего романа «Горбатые атланты».

В романе пророку самоорганизации удалось перестроить жизнь утопавшего в грязи

и пьянстве поселка на началах солидарности и безвластия: в анархическом Эдеме исчезло пьянство, воровство, драки, но — появились самоубийства. Ибо смыслом жизни человека не может сделаться служение брэнному, преходящему, бессильному, то есть такому, каков он сам. Служение слабому и преходящему не может создать у него иллюзию собственного могущества и бессмертия, иллюзию, способную хотя бы ослабить, если не вытеснить вовсе экзистенциальный ужас, который и есть главный разрушитель нашего счастья.

Да-да, наш главный враг не деспотизм власти и не разнузданность толпы, наш главный враг — это смерть, а также болезни и старость, то есть незапланированный и запланированный путь к исчезновению. А потому все, что позволяет нам забыть о нашей обреченности, наш лучший друг и союзник. И самоорганизация даже в своих высших проявлениях почти не занимается и вряд ли в обозримом будущем станет заниматься чем-то «вечным», то есть передающимся по наследству, — а стало быть, она не может и осуществить нашу экзистенциальную защиту. Я не могу припомнить ни одной общественной организации, которая хотя бы в своих идеалах служила чему-то непреходящему — все они живут текущим и утекающим, «не бросивши векам ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда». Разве что, защитники природы... Но ведь природа отнюдь не защищает нас от ужаса перед нашей мизерностью и мимолетностью, «равнодушная природа» скорее сама внушает этот ужас, — защищают нас лишь духотворные создания.

Короче говоря, мы ничего не поймем в социальной жизни, если не откроем глаза на то, что **социальные проблемы в огромной степени лишь маски экзистенциальных**. Люди что-то любят или ненавидят, отталкивают или рвут друг у друга из рук чаще всего только для того, чтобы ослабить ужас экзистенциальной

ничтожности. Социальные унижения только потому ранят нас так глубоко, что через униженность в социуме нам открывается наша униженность в мироздании: лишь экзистенциальная защита может ослабить нашу ранимость, а, следовательно, и агрессивность.

Уж сколько благородные интеллигенты упрекали народ в рабской любви к угнетателям и убийцам — как будто такое вообще возможно! Человек совершенно независимо от своей воли начинает испытывать неприязнь к тому, кто представляет угрозу для его жизни и свободы, зовись он хоть Сталин, хоть Буш. Но он так же автоматически начинает идеализировать того, в ком видит защитника. В этом и заключается разгадка привязанности россиян к своему отнюдь не самому ласковому и заботливому государству.

Дело в том, что в демократической России масса народа, в отличие от защищенной своей высокой миссией интеллигенции, осталась вовсе без экзистенциальной защиты. Люди во все времена ищут укрытия от ужаса собственной беспомощности, идентифицируясь с чем-то могущественным и долговечным, переходящим из поколения в поколение. Но после полураспада религии для большинства сегодняшних россиян главным хранителем наследственных ценностей оказалось государство. Которое с точки зрения радикального либерализма есть неизбежное зло. Или даже «избежное». Так кого же простые люди должны любить — тех, кто укрепляет их экзистенциальную защиту, или тех, кто ее, по их мнению, разрушает? Как бы ни была плоха государственная власть, сегодня она единственная институция, связывающая массу с вечностью. С коллективистскими моделями модели индивидуалистические вообще соперничать не могут, ибо они ставят на первое место то самое мимолетное, от чего человек и стремится спрятаться в непреходящем. Какую-то конкуренцию коллективизму мог бы составить либерализм романтический, воспевающий свободу как средство осуществления «бессмертных» дел, но таковым пока и не пахнет. Хотя **поиск иллюзорного бессмертия — один из главных двигателей человеческой деятельности.**

В своей последней вещи «Тень отца» я изобразил романтика 20-х, сравнительно легко отсидевшего в конце 30-х, но оказавшегося отторгнутым от государства, а следовательно и от истории, ибо историческое творчество — это прежде всего созидание бессмертия, и кроме государства этим ни один социальный институт не занимается. Дальше у героя все

складывается благополучно, но он из веселого аристократа превращается в унылого интеллигента. Ибо интеллигент и есть поверженный аристократ. Отвергнутый аристократ. Отвергнутый от исторического творчества, а потому старательно оплевываемый недоступный ему виноград.

Уж сколько, опять-таки, дивились, почему народная память романтизирует великих злодеев типа Ивана Грозного или Сталина, — а разгадка в том, что это все же какое-никакое, но бессмертие. Однако народ очень редко, а может быть, и никогда не воспеваает тех, кто только разрушает. Кто борется за увековечивание Чикатило? Народ идеализирует победителей. Другое дело, что его гораздо больше волнует подвиг, чем его цена. Но так смотрят на подвиги все романтики: мы за ценой не постоим! Здесь и пролегает раздел между интеллигентом и аристократом: аристократ склонен помнить о достижениях — интеллигент об их цене. Аристократ двигатель — интеллигент тормоз. Обществу нужно и то, и другое, но экзистенциальной обороне служат только двигатели. И когда их не хватает, народ начинает их искать в самых опасных зонах.

А что ему делать, если к долговечным, пускай архаическим и неосуществимым, деяниям его зовут почти исключительно реакционеры? Даже самое убогое существование в бараке или казарме все-таки более переносимо, чем жизнь под открытым небом наедине с космосом.

Народ не может отделиться от своего государства, как организм не может отделиться от своего скелета. Но этот скелет станет выполнять желанные нам функции, только если интеллигенция сумеет предложить идеологию романтического либерализма.

Правда, для этого она должна сама превратиться из интеллигенции в аристократию. И не столько оплакивать страдания народа, сколько осуществлять его экзистенциальную защиту, верша впечатляющие дела, способные остаться в памяти потомков.

А ужасный Советский Союз, как ни крути, а такие дела все-таки творил. Да, в пропагандистских, милитаристских целях, но творил — вышел в космос, открыл дорогу великолепным ученым, спортсменам... И пресловутая ностальгия по империи — это прежде всего не ностальгия по страху, который она внушала миру, а ностальгия по чувству причастности к чему-то великому и бессмертному. Ибо жизнь в сегодняшней России дает очень мало пищи для этой важнейшей человеческой потребности.

Интересы личности и организованного социума не так уж и расходятся, ибо и государство, и личность питаются от одной энергетической системы — системы коллективных фантазий. Я готов, опираясь на цифры, показать, что алкоголизм, преступность, наркомания, самоубийства в огромной степени порождаются общей причиной — упадком коллективных иллюзий.

«Государство должно служить воображению, ибо человек и есть прежде всего его изображение», — примерно так можно сформулировать набросок новой политической парадигмы. Однако осуществить ее — систематически поражать воображение — невозможно без возрождения национальной аристократии, то есть творцов и служителей коллективных наследственных грез, — фигурально выражаясь, «бессмертных». Аристократы творят великие дела, порождая и во всех остальных чувство и собственной неординарности, и собственной долговечности, а потому народ, отвергающий интеллигенцию, аристократию отвергать уже не станет.

Чтобы перековаться в аристократию, интеллигенции следует смотреть на вещи с точки зрения если уж не вечности, то *долговечности*, предпочитать «долготу» — «широте». Задумываясь о любой социальной проблеме, ставить перед собой не тот вопрос, который сегодня считается главным: «Насколько широкого круга людей это касается?» — но вопрос, сегодня слишком уж непопулярный: «Как долго эта проблема будет оставаться актуальной? Многих ли она будет волновать через одно — два — три — десять поколений?»

Подобный подход расхожий гуманизм наверняка заклеит как аристократический и, следовательно, антидемократический, ибо демократично только то, что служит повседневным нуждам так называемого простого, массового человека; беспокоиться же о том, что оставит след в вечности, то есть в умах потомков, есть не что иное, как барская блажь. На это я могу возразить только одно: подобная трактовка гуманизма и демократии основана на глубочайшем презрении к этому самому простому человеку и, в сущности, даже на отказе считать простых людей людьми. Я же настаиваю на том, что «простых людей», не нуждающихся в том, чтобы чувствовать себя причастными чему-то бессмертному — по крайней мере, долговечному, не заканчивающемуся с их жизнью, — *просто* не существует.

Пожалуй, наиболее долговечное в нас и есть наиболее человеческое. А потому смот-

реть на вещи с точки зрения вечности очень часто означает ставить на первое место наиболее человеческое в людях.

Классический интеллигент и от этих моих слов придет в негодование: так что же, простые люди, равнодушные к вечному и долговечному, должны снова служить сырьевым ресурсом творящих историю «великих личностей»?

На все эти вековечные излияния жалости кающегося дворянина к простому человеку можно тоже повторять из века в век: ***не нужно жалеть простого человека больше, чем он жалеет себя сам***. Разве не самые что ни на есть простые люди первыми голосуют за фашистов и коммунистов, сулящих им национальное и классовое величие? А эти российские язвы — пьянство, наркомания, бессмысленные убийства, самоубийства, — им что, больше всех подвержены какие-то аристократы духа? От невыносимой бессмысленности, бессцельности бытия страдают прежде всего люди ординарные, именно их в первую очередь убивает отсутствие хотя бы воображаемой (впрочем, иной и не бывает) причастности чему-то впечатляющему и долговечному. Во время футбольных матчей вопят от восторга и рвут волосы от отчаяния что, какие-то необыкновенные романтики? Видели вы когда-нибудь, чтобы люди так сходили с ума при получении зарплаты?

Если бы человек был способен радоваться исключительно личным успехам, мир состоял бы почти из одних только злобствующих неудачников, потому что на любом пьедестале почета могут поместиться лишь очень немногие. Но человек — самый что ни на есть простой и ординарный — в своем воображении способен отождествить себя с другими людьми, социальными группами, корпорациями, нациями, человечеством, наконец, и, благодаря этому, ошутить их победы как свои собственные.

И в этом его главное спасение от неустранимых неудач и несчастий, которыми переполнена жизнь даже самого благополучного человека. Индивидуализм, сосредоточенность на личных достижениях — мироошущение нелегкое даже для сильных, для победителей, ибо поражение в конце концов терпят все, да, к тому же, и невозможно всегда побеждать всех и вся. Но слабых индивидуализм просто раздавливает, именно слабым, ординарным людям особенно необходимо приобщиться к чужим успехам, к чужому величию, к чужой долговечности. А потому люди рядовые нуждаются в развитии национальной аристократии,

в возможности гордиться ее достижениями гораздо больше, нежели сама аристократия.

Я намеренно не задерживаюсь на конкретных подробностях «технологии производства» аристократии: если общество поймет, насколько драгоценен этот социальный слой, оно найдет и средства для его взращивания. Замечу только, что «производство» аристократов это всегда в огромной степени их **воспроизводство**: аристократический дух служения наследственным ценностям возжигается в юных романтиках от соприкосновения с другими, зрелыми аристократами.

Возрождение и защита аристократии есть часть одной из главнейших государственных функций — защиты слабых. Не нужно только забывать, что в защите прежде всего нуждаются не малозащищенные индивиды (они хоть как-то да могут напомнить о себе), а малозащищенные общественные потребности, то есть те потребности, которые лишь очень немногими (аристократами) ощущаются как личные. Парадоксально, но в особой защите нуждаются именно те формы деятельности, которые прежде всего и обеспечивают народу долголетие, — это наука и искусство, главные социальные функции которых соответственно поражают воображение новыми знаниями, а также творить и поддерживать чарующие грезы, способные чаровать даже и по другую сторону государственной границы, создавая таким образом пресловутый национальный престиж. Уменьшая тем самым национальную уязвленность, всегда готовую взорваться шовинизмом и ксенофобией.

Если смотреть с точки зрения вечности, между властью, аристократией и простым народом нет никаких непримиримых противоречий — они все нуждаются друг в друге, не могут обойтись друг без друга. Медный всадник, попирающий маленького человека, конечно, необыкновенно мощный образ. Но обратим внимание — Медный всадник еще и гениальное произведение искусства, к которому со всего света тянутся туристы. И потомки бедного Евгения из Читы и Чухломы считают делом чести сфотографироваться у каменной волны его постамента...

Ибо и у власти, и у рядового человека есть один общий могущественный враг — скука, ощущение ничтожности и бессмысленности существования. И Медный всадник не только требует жертв — он еще и наполняет смыслом и красотой жизнь обычного человека. Государство и простой народ перед зданием Сената протягивают друг другу руку.

— Третьим будешь? — спрашивают они интеллигента. — Перековывайся в аристократа и присоединяйся к нам!

Народ не пойдет бороться за демократию вместе с интеллигентом, равнодушным к его экзистенциальным нуждам, а с умным умышленым аристократом иной раз и пойдет. Только аристократу в своем демократическом рвении тоже не следует заходить слишком далеко, иначе демократия растопчет и его, как всегда растаптывала интеллигента.

Народ, остро нуждаясь в вечном, редко бывает способен ему жертвовать по доброй воле. Голосование рублем или бюллетенем чаще всего приводит к господству ординарного, хотя эти же голосующие люди чтят и помнят исключительное. Исключительное же в России, а может быть, и всюду всегда создавалось и будет создаваться в **свободных зонах**, в которых творческое меньшинство оказывается освобожденным и от царя, и от народа, и от рынка. Этим творческим меньшинством бывало то дворянство, то научная интеллигенция, но результат каждый раз оказывался если не великим, то великолепным.

На таких-то островках свободы (праздность вольная — подруга размышленья) и рождалась величайшая литература, великая музыка, великолепная наука, позволявшая ученым утолять собственное любопытство за государственный счет. И как раз эти-то островки были почти уничтожены под знаменем рационалистического либерализма. Против которого давно пора возвысить знамя либерализма романтического, отстаивающего для творческой личности право служить красоте и величию человеческого образа. Творить бессмертные дела, защищая тем самым и нетворческую массу от ошущения бессмысленно и быстролетно утекающей жизни.

Идеология аристократического, романтического либерализма, гарантии свободы для служения не брэнному, но бессмертному хотя бы для узкого круга — это тот пункт, который культурное меньшинство не должно уступать никаким демократическим и либеральным лозунгам.

И где сейчас еще остались заповедники, где хотя бы теоретически способна выживать и объединяться новая аристократия? Мне кажется, центрами ее кристаллизации и роста могли бы сделаться университеты и толстые журналы. Но, к сожалению, они борются за жизнь и свое предназначение по одиночке. Делают общее дело, а борются каждый за себя...